

О Т Р Ы В К И

изъ

ПИСЕМЪ СЪ КАВКАЗА. (*)

I.

п о с у н ж ѣ .

Было воскресенье. Во владикавказской церкви, что на площади, близъ моста черезъ Терекъ, только что отошла обѣдня; еще не перестали звонить. Народъ густою толпою выдвигался изъ растворенныхъ настежь дверей и подъ веселый говоръ рассыпался въ разныя стороны. Тутъ были казаки, осетины, солдаты; мелькали, хотя рѣдко, дамскіе платочки и шляпки, показывались сѣрыя офицерскія пальто, и даже можно было разглядѣть одинъ, два гражданскихъ костюма. На лицахъ всѣхъ отражалось ясное и тихое майское утро.

Май во Владикавказѣ великолѣпно хорошъ. Поутру обыкновенно на небѣ ни облачка: чудная панорама горъ видна во всей ея красотѣ. Впереди, ближе къ городу, небольшие и неровные свѣтло-зеленые отроги; далѣе темныя лѣсистыя Черныя горы, то выше, то ниже, то ближе, то дальше выступающія; наконецъ на заднемъ планѣ изъ-за всѣхъ выдается громадный снѣговой хребетъ, ярко блестящій на солнцѣ. Верхнее ребро горъ рѣзко рисуется на голубомъ фонѣ неба; какъ на картинкѣ поднимаются изъ него отдѣльныя вершины, а между ними, будто патриархъ, стоитъ высокий, бѣлый, округленный конусъ Казбека. Гору эту здѣсь всякій знаетъ, и старый, и малый, и русскій, и горецъ, сейчасъ же на нее вамъ укажетъ; за то о названіяхъ другихъ не спрашивайте: ничего не добьетесь. Едва ли гдѣ-нибудь видъ на кавказскій хребетъ лучше, чѣмъ во Владикавказѣ, и справедливо говорятъ, что это одно изъ живописнѣйшихъ мѣстъ во всемъ свѣтѣ.

Въ противоположность утру, вечеромъ по горнымъ верши-

(*) Весна и лѣто 1863 года.

намъ гуляютъ грозныя темно-синія тучи. Въ средней части горъ, въ маѣ почти каждый вечеръ бываютъ страшныя грозы; дождь льетъ какъ изъ ведра; молнія сверкаетъ непрерывно и по всевозможнымъ направлєніямъ; громъ гудитъ съ оглушительнымъ ревомъ и отдается по ущельямъ множествомъ отголосковъ. У насъ внутри Россіи когда-то на горизонтѣ покажутся тучи, когда-то успѣетъ подняться, потомъ пойдетъ маленький дождикъ, станетъ постепенно усиливаться, и наконецъ гроза разгуляется. Здѣсь не такъ: не успѣетъ показаться легкой дымовъ на отдаленной вершинѣ, уже выросла туча; не успѣютъ прохожіе спрятаться, уже ихъ облилъ разомъ грянувшій дождь. Но вскорѣ все кончилось и высохло; снова свѣтитъ яркое солнце, и только чудная свѣжесть и легкая, пріятная прохлада напоминаютъ о бывшей грозѣ. Земель на бульварѣ, въ садахъ и въ окрестностяхъ такъ ярка и заманчива, какъ это бываетъ въ другихъ мѣстахъ только раннею весною. Не даромъ N, у котораго я остановился, хвалитъ климатъ, говорилъ мнѣ: „ещели, чего не дай Богъ, вамъ случится заболѣть, прїѣзжайте сюда поправляться: здѣсь и чахоточные выздоравливаютъ быстро“.

Въ такое-то майское утро, когда народъ расходился изъ церкви, я на тележкѣ выѣзжалъ изъ Владикавказа. Я торопился въ Шуру и выбралъ путь кратчайшій, по суженской линіи.

При поѣздахъ въ горы, во Владикавказѣ обыкновенно запасаются сѣдломъ съ принадлежностію, горскимъ, и буркою. „Такъ всё и всегда дѣлаютъ“, говорили мнѣ. Подобными издѣліями Владикавказъ славится: нигдѣ такъ искусно не выдѣлываютъ ремней, не готовятъ такъ хорошо сѣдельныхъ арчаковъ, какъ въ этой военной колоніи, и нигдѣ такъ дешево не продаютъ принадлежностей горскаго туалета. „Ахъ, сѣдло, сѣдло ваше, щегольское!“ восклицали дорогою казаки, и лишь только услышится такое восклицаніе, сейчасъ же съ разныхъ сторонъ собираются любопытные, большіе и малые, посмотрѣть на сѣдло. Можетъ быть, даже вѣроятно большею частію, ничего интереснаго не увидятъ, но какъ же не взглянуть на новое сѣдло, да притомъ если еще его похвалили? „Лука широкая, съ отваломъ назадъ“, разбирали казаки. — „Ну и выдѣлка, нече сказать, ажуратная; а подушка одна—вошь на ней чирязи (галуны) каіе широкіе—одна подушка что стоитъ!“ Горскія сѣдла почти тѣ же донскія, только шире и больше; да въ подушку не вещи кладутся, а шерсть.

Бурку здѣсь носить всякій. Отъ дождя и вѣтра она лучшій защитникъ, а когда нужно, служить и постелью. Туземцы весьма ловко владѣютъ буркою, безпрестанно поворачивая ее около шеи такъ, чтобы открытая сторона всегда приходилась за вѣтромъ, откуда дождь не мочить. А нашъ братъ, пока не привыкъ, какъ ни надѣнетъ, непременно промохнетъ. Но бурки не всѣ одинаковы: кабардинскія—легкія, тонкія, плотныя, съ коротенькимъ волосомъ; андійскія—тяжелыя, толстыя, длиннопшерстыя; казакумухскія—среднія, и пр. и пр. Носить лучше всего кабардинскую; красивѣе другихъ—андійская бѣлая.

Путь мой лежалъ вблизи многихъ ауловъ. Мальчишки чеченскіе караулятъ проѣзжихъ. Шибкою рысью, высоко поднимая ноги, долго провожаютъ они повозку и, бойко заглядывая въ глаза сѣдоку, кричатъ, что есть шочи, все, что выучили по-русски: „дай, дай! мэнэ, мэнэ, пожалуйста!“ Почти голые, едва прикрытые старою, грязною, изодранною рубахою, съ раскрытою шею и грудью, съ сухощавыми ногами, это настоящіе бѣсенята. Бритыя блестящія головы, отвислыя уши и пронзительные чеченскіе глаза придаютъ имъ необыкновенный эффектъ, а громадныя папахи на нѣкоторыхъ и длинные кинжалы сверхъ рубахъ дѣлаютъ небогатый нарядъ ихъ особенно оригинальнымъ. Надо видѣть, какъ чеченскіе мальчишки кидаются, давя другъ друга, на брошевную монету, чтобы составить себѣ хотя слабое понятіе объ алчности горцевъ.

Сунженскія станицы, благодаря близкому сосѣдству чеченцевъ, хотя давно уже мирныхъ, не въ очень-то завидномъ положеніи. „Ужь такой эти чеченцы народъ бѣдовый—говорятъ казаки—только бы имъ грабить да разбойничать; безъ этого и жизнь имъ не въ жизнь. Ты ему кусокъ хлѣба или сахара подаешь — онъ возьметъ, ничего; но того и гляди, и пальцы откусить. Ужь такая натура!“

Дорогою безпрестанно приходится слышать:

„Вотъ, а намеднясь, около Троицкой—вѣдь станица большая, а подъ самою ею татары отбили паръ пять быковъ“; или: „на ночь мы табунъ нашъ вотъ сюда пригнали, подъ самый постъ; а они, азіаты, двое ли, трое ли, подползли, подкрались и давай гнать лошадей. Хорошо, что возлѣ секретъ оказался: какъ пугнули ихъ, ну и не смогли ничего.“

Всякую ночь изъ станицъ высылаютъ секреты казаковъ. „Этимъ только мы и спасаемся“, говорилъ мнѣ однажды уряд-

никъ.— „Да вотъ еще, когда, выѣхавъ на работу, приходится ночевать далеко отъ станицы, всегда вмѣстѣ съѣзжаемся; и не смѣютъ разбойники.“

Ночью сообщенія почти прекращаются. Тѣ, которые рисковали пренебречь этииъ, нерѣдко платились весьма дорого. Мѣсяцъ тому, чеченцы убили двухъ донскихъ казаковъ, какими образомъ—неизвѣстно; только тѣла ихъ съ кинжалными ранами найдены рано утромъ возлѣ дороги. А съ недѣлю назадъ ѣхавъ изъ крѣпости Грозной домой, кажется, въ станицу Михайловскую, съ базара урядникъ, кавалеръ, что здѣсь при разсказѣ не преминуть прибавить. Онъ запоздалъ. Сумерки нали, а онъ ѣдетъ себѣ спокойно въ телѣгѣ. Съ нимъ былъ еще казакъ; тотъ верхомъ; на телѣгѣ поклажа. Вдругъ въ двухъ шагахъ изъ кустовъ, изъ оврага чеченцы; одинъ приставилъ ружье къ груди урядника и кричить во все горло: „денга давай!“ другіе на верховаго. Этотъ вынулъ „пистоль“, „пальнулъ“ въ передняго, „рубанулъ“ его шашкою, а тутъ сзади самого съ сѣдла и свалили. Только подъ вечеръ онъ опомнился. Видно, за мертваго приняли, такъ и не тронули. Урядника же совсѣмъ „зарубили“ и, разумѣется, обобрали.

„Жалко урядника, жалко Панкратъича“, прибавляли казаки. „А лихой былъ урядникъ. И какъ это онъ поддался! Сколько нехристей довелось ему на своемъ вѣку положить, а тутъ на дорогѣ убили, и шашка татарамъ досталась! Строгъ только былъ маленько, царство небесное!“

Панкратъичъ былъ изъ гребенскихъ. Дѣло въ томъ, что на Сунжу казаки съѣхались съ разныхъ сторонъ: мноме съ Дона, „съ Россей“, „съ хохловъ“, какъ здѣсь говорятъ, а корень взять изъ гребенскаго полка. Гребенскіе казаки считаютъ себя выше товарищей: „мы—говорятъ они—коренные казаки и родились здѣсь; а вы мужики, какъ есть мужики“.—„Имъ бы—говорятъ про новыхъ выходцевъ кавказскіе старожилы—не казаковать, а тройками ѣздить: вотъ это ихъ дѣло.“ Даже донцовъ ни во что не ставятъ. Но старожилы не правы: новые выходцы всѣ молодцы, и недаромъ они жалуются, что „гребенскіе ихъ обижаютъ напрасно“.—„Вотъ хоть, примѣрно, споръ какой или ссора: ты и правъ, видимо правъ, а гребенской почитай всегда перебить.“ Потому-то, жалѣя Панкратъича и хваля его доблести, казаки не могли не прибавить: „строгъ только былъ покойникъ“.

А теперь гребенскіе казаки куда противъ сунженскихъ: ихъ

станции широки, раздолжны, съ большими садами, разведенными за наружною оградою и рвомъ. Жизнь ихъ покойна; „даже оружіе не всегда носить“.

— Вотъ вчера—разсказывалъ мнѣ дядя Иванъ, въ станицѣ Шелкозаводской (гребейскаго полка), старый, съ сѣдою, какъ лунь, бородою казакъ изъ грузинъ (въ станицѣ Шелкозаводской много казаковъ изъ грузинъ; еще дѣды ихъ поселились здѣсь, а внуки почти совсѣмъ обрусѣли) — вотъ вчера поѣхали мы съ сыномъ въ лѣсъ за дровами. Я взялъ и винтовку, и шашку, какъ должно быть, а сынъ мой безъ ничего, только съ кинжаломъ. Ну, любезный, я говорю, это неладно. — Э, ничего! неужто за Терекъ кто проберется? нынѣ не то, что прежде бывало. — Хорошо что прошло, добавилъ старикъ. — Нѣтъ, надо носить все, какъ слѣдуетъ. Вотъ и горцы какъ разсуждаютъ: „можетъ быть, сто лѣтъ будешь ходить при оружіи напрасно, а на сто-первый годъ оно тебѣ пригодится“.

На посту Нефтяномъ мнѣ случилось подняться на вышку. Здѣсь, на Сунжѣ, конечно, посты въ полной бдительности; это не то, что на Терекъ или въ другихъ мѣстахъ, дальше отъ горъ, гдѣ остаются только обломки вышекъ, какъ памятники былой тревожной жизни. Я съ караульнымъ казакомъ обошелъ вышку кругомъ; отъ вѣтра она страшно качалась. Казакъ, будто обрадованный случаемъ высказаться, съ особенною охотою разсказывалъ послѣднія происшествія.

— Нѣтъ—заклучилъ онъ—развѣ тогда житье наше будетъ привольное, когда императоръ всѣхъ этихъ чеченцевъ велитъ поселить гдѣ-нибудь подалеже отсюда. Вотъ бы ихъ въ Новгородъ или въ Тверь: тамъ, свазывалъ недавно проѣзжій, земли бери не хочу; а ихъ бы мѣста казакамъ отдать. А что за мѣста-то тамъ, за Сунжею: трава и хлѣба знатные; наши-то земли и близко, а куда противъ ихъ. И отчего это: у нихъ дождь часто бываетъ, а у насъ почитай никогда? Вотъ и теперь, видите, идутъ съ горъ тучи, тучи черныя, а до насъ не дойдутъ. Нехристи, а видно Бога лучше насъ молить!

Въ хатахъ казачьихъ, обыкновенно чистыхъ, опрятныхъ, съ палисадникомъ и плетнемъ снаружи и густымъ фруктовымъ садомъ кругомъ, лучшимъ украшеніемъ служатъ, конечно, шашки, пистолеты, винтовки, кинжалы, бурки, папахи. Всякій хозяинъ вѣшаетъ ихъ тамъ, гдѣ удобнѣе, не гонясь за симметрией, не зная вкуса, а совокупность выходитъ отличная, во сто кратъ

лучше той, которую мы привыкли встрѣчать въ кабинетахъ съ претензіей.

Посмотрѣть и похвалить казачье оружіе значить, какъ говорится, хозяина рублемъ подарить. Да иногда и есть на что полюбоваться: какъ ни бѣденъ казакъ, а объ украшеніи оружія онъ всегда заботится и, только что „позволять достаети“, обдѣлываетъ его въ серебро, съ узорами и чернью.

— Покажи-ка пистоль, сказалъ я уряднику Фролу, войдя въ его хату. — Славный пистоль! А въ серебро самъ обдѣлалъ?

— Самъ, все какъ есть.

— А что заплатилъ за него, гдѣ купилъ?

— Да я не купилъ: снялъ съ чеченца убитаго.

— Когда же, давно?

— Лѣтъ десять будетъ. Дѣло было вотъ тутъ, недалеко: вонъ, вонъ, тамъ за лѣскомъ. Этотъ самый чеченецъ меня чуть-чуть не убилъ, и съ этого какъ есть пистоля. Онъ, значить, выстрѣлилъ, прямъ въ упоръ, и ужъ какъ меня Богъ спасъ, я и не знаю. А тутъ, мнѣ на счастье, на него мой товарищъ — онъ и теперь въ нашей станицѣ живетъ, только ужъ старъ больно — съ шапкою какъ налетитъ, да такъ и подожить... Вотъ это дочь его идетъ за водою... А то бы не жить мнѣ. Спасибо ему.

— Такъ сейчасъ же ты за пистоль и схватился?

— Нѣтъ, какъ можно: это послѣ уже, съ часъ, съ два спустя, когда прогнали чеченцевъ. Только я примѣту имѣлъ: красный башлыкъ былъ на этомъ татаринѣ, самъ съ бородою; ну и мѣсто я помнилъ. Вотъ подошелъ я къ нему — въ ту пору лошадь мою много поранили, ѣхать нельзя было — пистоль этотъ самый у него въ рукѣ, и курокъ спущенъ: на меня, значить, было. Я вотъ его въ серебро и обдѣлалъ. Теперь какъ посмотришь, и вспомнишь.... Знаете, очень, очень пріятно такую память имѣть.

При такомъ положеніи дѣлъ нечего удивляться, что суженскія станицы до сихъ поръ замкнуты со всехъ сторонъ глубокими рвами, съ валомъ за рвомъ и стѣною хвороста на валу.

— А что — спрашивали при мнѣ казаковъ — татарину не пролѣзть?

— Лазать проклятые, лазать; ночью иной разъ ужъ какъ ухитрится, Богъ его знаетъ, только смотринишь наутро: и хворостъ пожегъ иль разобралъ, и скотинка угнана.

— Что же караульные дѣлають, тѣ, что у каждаго воротъ, на вышкахъ?

— Что дѣлають? извѣстно что: смотрять! На ночь они съ вышекъ-то слодять: снйву видѣе. Ну, да вѣдь не всегда и досмотришь: станица большая, воротъ-то немного, а они, азіаты; тамъ подкрадутся, гдѣ ихъ и не услышишь... воры, разбойники, одно слово.

— А секреты?

— Да вѣдь иногда и задремлешь въ секретѣ. День-денской на работѣ умаешься, особливо лѣтомъ, когда время стоитъ жаркое; ну а они тутъ какъ нарочно. Нехорошо наше житье!

Но, въ противоположность трудной жизни станичниковъ, жены и дочери ихъ не дѣлають ничего; „только пѣсни поють да хороводы играютъ“, какъ выразился какой-то казакъ. „Что имъ: ни прясть, ни мотать: все покупаемъ готовое; имъ тутъ весело“.

Крѣпость Грозная теперь опустѣла; мальчишки да бабы играютъ въ ней едва-ли не главную роль, и внутренность крѣпости живо напоминаетъ собою русскіе уѣздные города. Только при проѣздѣ моемъ черезъ площадь я засталъ родъ бивуана чеченскаго: съѣхались татары, записавшіеся служить во вновь формировавшемся конно-иррегулярномъ полку. Тонно скопище Шамиля отдыхало: множество осѣдланныхъ коней; азіаты, завернутые въ бурни, раскинулись тѣсными группами. Вотъ одинъ въ серединѣ толпы рѣжетъ кинжаломъ чурекъ (родъ хлѣбной лепешки) и подаетъ отрѣзанный кусокъ сосѣду; двое другихъ, съ масляными глазами и сатанинскою улыбкою, разглядываютъ обнаженную пашку, а третій, должно быть хозяинъ, съ самодовольною миною стоитъ возлѣ нихъ; тутъ же съ боку молодой татаринъ, сидя, наигрываетъ на трехструнной гитарѣ какой-то родной мотивъ, а вдали передъ лавкою, на лѣстницѣ, стали пробовать пистолеть, и громкій выстрѣлъ раздался въ воздухъ. Кто стоитъ, кто сидитъ, кто лежитъ; всѣ, дико по-сматривая, провожаютъ проѣзжихъ.

Станція была близко отъ площади. Здѣсь явилась передо мной иная картина: первая комната была обращена въ школу; восемь или десять казачьихъ мальчиковъ, лишь я показался въ дверяхъ, принялись преусердно, перебывая другъ друга, читать свои книги. Ну чисто жидовская школа! Но едва отойду отъ дверей, чтеніе разомъ прекращается. Опять покажусь, и опять крикъ поднимется.

Отъ вѣрности Грозной на Хасавъ-юртъ прямо нельзя проѣхать: надо дѣлать крюкъ за Терекъ. Верстахъ въ семи или восьми за вѣрностью Грозною я спустился къ Горячеводской станицѣ. Близъ этой станицы, невдалекѣ отъ дороги, бьютъ ключи, температура которыхъ свыше 72 градусовъ. Представьте себѣ на уступѣ высокой горы быстрый, совершенно прозрачный, горячій потокъ, въ искусственомъ, шириною до двухъ аршинъ, ложѣ. Паръ поднимается по всей извилистой линіи потока, будто отъ самовара, и такую же непріятною сыростию обдаетъ того, кто приближится или станетъ переходить черезъ мостикъ. На видъ, разумѣется, вода какъ вода; а попробуйте опустить руку—обожжетесь. Какой-то проѣзжій охотникъ зашелъ сюда со своими собаками. День былъ жаркій, и собаки, увидѣвъ потокъ, бросились купаться: конечно, тамъ и остались. Ко мнѣ подошелъ содержатель построенной здѣсь паровой ванны. „Не хотите ли искупаться? спросилъ онъ.—Вотъ здѣсь наши ванны; а вотъ казенныя, для солдатъ: здѣсь ихъ лѣтомъ человекъ до пятисотъ больныхъ собирается; вотъ офицерская.“

Но всего интереснѣе водопадъ изъ горячей воды. Потокъ кипятка, пройдя сажень сорокъ по уступу горы, поворачиваетъ въ сторону и спускается по высокому, крутому обрыву. Водопадъ катится не одною струею: переплетаясь съ потоками многихъ другихъ горячихъ источниковъ, тутъ же въ скалѣ выходящихъ наружу, онъ рассыпается на мелкія струйки, которыя съ шумомъ и пѣною прорываются внизъ и, отскакивая отъ камней, брызжутъ во всѣ стороны. Огромные острые торчащіе камни покраснѣли, будто напалились отъ жару; окрестная земля почернѣла какъ уголь, и надъ всѣмъ этимъ пространствомъ носится масса жгучаго пара. Небольшое присутствіе сырости вѣскольکو мутитъ воду и наполняетъ своимъ непріятнымъ запахомъ воздухъ, но за то увеличиваетъ цѣлебное свойство источниковъ. Не только внизу подъ водопадомъ, но и далеко по теченію рѣчки температура воды еще высока. „Только вонъ тамъ—говорили мнѣ—вонъ подъ тѣмъ ауломъ, верстъ двѣнадцать отсюда, вода какъ вездѣ“, и прибавляли: „хорошо какъ бы можно было такую горячую воду всюду найти, особенно зимою: тогда бы и самоваровъ не нужно: зачерпнешь чайникомъ, и готово; да и чаю надобно меньше: гуще настаивается“.

Подъ водопадомъ, между горячими камнями, суетились и

хлопотали чеченскія женщины. Онѣ валили сукно, Отъ зѣвущей воды достоинство суконъ выходитъ отличное. Но сколько же надо привычки, чтобы босыми ногами пробираться по камнямъ подъ такимъ водопадомъ и, стоя между множествомъ струй горячей воды, работать успѣшно!

Въ станицѣ Николаевской переѣзжаютъ по мосту на лѣвую сторону Терека. Широкий и плавный, здѣсь Терекъ далеко не то, что въ горахъ: не кипитъ, не торопится, не ворошаетъ камней и только по мутному цвѣту воды напоминаетъ; какъ онъ при рожденьи.

Въ Чиръ-юртѣ я переправился чрезъ Сулакъ и вступилъ въ Дагестанъ. Будто другая природа: ни лѣсовъ, ни богатой растительности; все сѣро и дико.

II.

ВОИНСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Надняхъ я вѣхалъ въ укрѣпленіе М* и, какъ водится, тотчасъ же познакомился съ воинскимъ начальникомъ.

Маіоръ N* человекъ очень хорошій. Съ перваго взгляда, быть можетъ, покажется, что у него во всѣхъ карманахъ по кинжалу и что онъ, того и гляди, выхватитъ на васъ всѣ эти орудія смерти разомъ. Но это только покажется: всему причиною его воинственный взглядъ, орлиный носъ, высокій грутой лобъ и длиннѣйшіе, чуть не до пояса, усищи. Если бы онъ подстригъ свои усищи и смотрѣлъ немножко помягче, наружность его стала бы доброю. Но въ томъ-то и дѣло, что подстричь усы онъ не согласится ни за что въ свѣтъ — это навѣрно; а если бы кто-нибудь ночью потихоньку обрѣзавъ ихъ, онъ поутру — я готовъ держать пари какое угодно — сойдетъ съ ума.

Я слышалъ про маіора давно. На распросы о немъ отвѣчали различно. „Превосходный, боевой офицеръ“, говорили люди почтенныхъ лѣтъ; „чудакъ“, улыбаясь замѣчали молодые, и тотчасъ же добавляли: „да такихъ здѣсь много, загляните только подалѣе въ наши трущобы“.

N* роста высокаго, склада богатырскаго. Одѣтъ всегда одинаково; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ мнѣ не удавалось встрѣчать дюдей, которые видѣли его въ другомъ костюмѣ: сюртукъ изъ какой-то глядovitой черной матеріи (только не

изъ сукна), съ воротникомъ нѣкогда краснымъ и пуговицами нѣкогда желтыми; на головѣ старой формы фуражка, съ частію кокарды и истрескавшимся козырькомъ; на ногахъ широчайшіе нанковые панталоны. Многіе полагаютъ, что для зимы, такъ какъ зимы въ укрѣпленіи М* довольно суровыя, есть у маіора и еще что-нибудь; а нѣкоторые даже догадываются, что, на случай пріѣзда большаго начальства, у него имѣется и мундиръ.

Воинскаго начальника можно видѣть ежедневно между семью и восемью часами утра, на большой улицѣ. Онъ обыкновенно выйдетъ изъ своего дома, медленно, опираясь на палочку, на серебряной ручкѣ которой, пятигорской работы, чернью выписано: „Кавказъ“, дойдетъ до воротъ, что въ наружной стѣнѣ укрѣпленія, постоитъ у воротъ, поглядитъ на окрестныя горы: все ли въ порядкѣ, и повернетъ въ сторону, въ уголь. Тамъ, на барбетѣ, стоитъ единственная, длинная чугунная пушка, гордость укрѣпленія и гроза всѣхъ окрестностей, а возлѣ нея часовой. Посмотритъ маіоръ, точно ли стоитъ эта пушка, иногда собственноручно ее пощупаетъ, почтительно отдастъ честь часовому и медленными же шагами направится въ обратный путь. Если всей этой операціи воинскій начальникъ не выполнитъ, совѣсть его, по собственному увѣренію, цѣлый день неспокойна.

Подходя къ дому, маіоръ звонкимъ и энергическимъ голосомъ, точно будто передъ нимъ цѣлый карауль, проговоритъ сельдфебелю своему: „здорово“, и на рапортъ его, оканчивающійся постоянно словомъ „благополучно“, пытливымъ, недоувѣрчивымъ голосомъ спрашиваетъ: „такъ ли полно?“ Говорятъ, что возраженіе это акуратно повторяется ровно три года, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ маіоръ вступилъ въ должность, и три года ежедневно онъ получаетъ въ отвѣтъ „точно такъ-съ.“

Затѣмъ служба маіора кончается.

Дома N* необыкновенно радушенъ. Каждому проѣзжему, какъ самъ говоритъ, радъ до смерти: „о новостяхъ разныхъ распросишь, да и самъ что-нибудь поразскажешь“. Не знаю однако, составляю ли я исключеніе, но меня онъ спросилъ только о двухъ, правда, особенно важныхъ предметахъ: не слыкать ли чего про упраздненіе укрѣпленія М* и не слыкать ли чего про упраздненіе воинскихъ начальниковъ вообще.

Кабинетъ N* весь обвѣшанъ оружіемъ. Онъ нарочно поса-

дѣлать меня какъ-разъ противъ лучшихъ своихъ шапегъ и съ жадностію, съдѣлать, какое впечатлѣніе произведетъ богатая и изящная ихъ отдѣлка.

Воинскій начальникъ объявилъ мнѣ съ первыми же словъ, что онъ старый драгунъ.

— Знаете, эта пѣхотная жизнь пренесносная; то ли дѣло было у насъ: жизнь, воля, просторъ, а тутъ все мертво; одно слово: пѣхота! Эхъ!—воскликнулъ онъ наконецъ—прошло наше время и не вернуться ему; нынче и драгуны-то переродились, точно въ монахи всѣ люди пошли!

Жена N* женщина добрая, радушная, бабъ всякихъ претензій.

— Здѣсь—начала она мнѣ рассказывать—есть окрестности замѣчательныя; почти каждое мѣстечко имѣетъ свою легенду, и часто очень занимательную. Вотъ хоть бы прямо передъ нашими окнами, на томъ бугоркѣ, что повыше, постоянно стояла высокая висѣлица; это, вѣроятно, татаръ когда-нибудь вѣшали. Надняхъ ее сняли, и по одному странному случаю.

Странный случай былъ рассказанъ самимъ козьяномъ, мужемъ.

— Приходить ко мнѣ нѣсколько стариковъ изъ аула—началь онъ съ важностію—и послѣ обычныхъ привѣтствій говорить: Аллахъ намъ дожда не даетъ, видно прогнѣвался. Всюду кругомъ покосы богатые, дождь льетъ безпрестанно, только у насъ нѣтъ! Мулла нашъ, ученый, вычиталъ въ книгахъ, что все происходитъ отъ висѣлицы: сними ее! Висѣлицу сняли. И точно, на утро небо покрылось черными тучами; татары были въ восторгѣ. Но вѣтеръ подулъ, и вотъ прошло уже больше недѣли, а дожда все-таки нѣтъ. Кажется, они собираются снова поставить висѣлицу, добавилъ рассказчикъ серьезно и скороговоркою.

— А вотъ здѣсь малѣво—продолжала хозяйка—вверхъ по дорогѣ, могила одного офицера. Онъ, бѣдный, застрѣлился недавно, и такъ, знаете, страшно. За пять минутъ до смерти былъ спокоенъ, разговаривалъ съ братьями, со знакомыми. И причина никому неизвѣстна. Ночью свезли его и зарыли отдѣльно отъ всѣхъ, подъ оврагомъ. Въ другой сторонѣ, вотъ по этой дорогѣ, шесть офицеровъ положены рядомъ. Они всѣ въ одномъ дѣлѣ убиты, здѣсь недалеко.

Затѣмъ хозяйкою же мнѣ былъ рассказанъ весьма обстоя-

только ходъ самаго дѣла: какъ наступали, какъ отступали, какъ кто-то хотѣлъ во флангъ взять, а между тѣмъ его самого чуть-чуть не отрѣзали, и проч. и проч.

— Хорошо еще — заключила она — что успѣли тѣла подобрать; а то сколько родныхъ и знакомыхъ погибло у насъ здѣсь, на Кавказѣ, и Богъ знаетъ, покоронены ли они!

Старый драгунъ молча слушалъ рассказы жены. Но всякій разъ, какъ та говорила: „страшно“, или какъ голосъ дѣлался жалостнымъ, лицо его принимало выраженіе необыкновенной досады. Видно было, ему хотѣлось сказать: „ахъ, матушка, и къ этимъ-то пустякамъ ты до сихъ поръ не привыкла!“

— Вы однакожь не думайте — возразила черезъ нѣсколько словъ кавказская дама — чтобы здѣсь была все одна грустная проза. Здѣсь есть и другія, полныя поэзіи легенды.

— Ну какая поэзія? гдѣ ты нашла ее? перебилъ хозяинъ.

— Какъ же! Вотъ, напримѣръ, какъ бы вы думали, отчего образовался Сулакъ?

— Ну, ужъ это какъ есть небылица.

— Дивная красота говоритъ двумъ соперникамъ: тому изъ васъ я отдамъ руку свою, кто скорѣе исполнитъ заданную работу. Одинъ пусть наноситъ гору изъ морскаго песку, а другой пробьетъ скалу и выпуститъ воду изъ Аваріи въ Каспійское море. Первый, какъ ни трудился, не могъ кончить работы; трудъ его, вѣроятно, вы видѣли у Кумтеркале, почти возлѣ станціи: свѣтло-желтыя, безъ травинки и мха, мелко-песчаныя горы. Послѣдній достигъ своей цѣли, и плоды его работы напѣ многоводный бурливый Сулакъ.

— Небылица, какъ есть небылица, строгимъ голосомъ повторилъ еще разъ хозяинъ.

— А близъ Темиргоя, сейчасъ возлѣ дороги, есть камень, высокій и тонкій. Это, говорятъ, окаменѣлость татарской красавицы. Она съ женихомъ убѣжала отъ матери, откуда-то изъ Салатавіи: мать не хотѣла ее выдавать за неимущаго. Вдругъ слышатъ погоню. Что дѣлать? Женихъ не смутился: онъ вознесъ руки къ небу и проситъ Аллаха превратить его спутницу въ камень, а самого въ ручеекъ: счастливецъ желалъ вѣчно струиться у ногъ своей милой. Такъ и случилось. Но прошло много времени и красавица стала забывать друга, вздумала даже кокетничать. Однажды ручей увидѣлъ, что она любезничаетъ съ зефирами, разсердился и отвернулся отъ камня. Съ

тѣхъ поръ ручей, подойдя къ камню, круто поворачиваетъ въ сторону. Но правду сказать — сочла необходимымъ прибавить хозяйка — если станете бесѣдовать съ здѣшними старожиллами, страшнаго больше услышите. Помнишь, Алексѣй — обратилась она къ мужу — какъ принесли намъ голову солдата Ивана? Вотъ было ужасно!

— Что же тутъ ужаснаго? перебилъ ее тотъ. — Дѣло было простое. Солдатъ нашъ, драгунъ, передался татарамъ и ходилъ на грабежъ вмѣстѣ съ ними. Пользуясь языкомъ и мундиромъ, ему многое удавалось. Уводили они лошадей, таскали женщинъ, людей, ну какъ водится. Только однажды попался татаринъ, тоже разбойникъ первостатейный: его слѣдовало повѣсить, и онъ того ожидалъ. Но князь В. подарилъ ему жизнь.

— Спасибо, князь, сказалъ татаринъ. — Какую же службу я тебѣ сослужу?

— Достань голову солдата Ивана.

— Ну и досталъ. Что же тутъ страшнаго, разсудите хотя вы? обратился ко мнѣ съ вопросомъ хозяйка. — Татаринъ далъ слово и, какъ всегда, сдержалъ его.

— Ну это пожалуй — согласилась хозяйка — такъ водится. А помнишь, какъ къ намъ привезли два воза тѣлъ безъ головъ? Ахъ, ужасно! Знаете, одна дама, жена офицера казачкаго, была такъ любопытна, что пошла посмотрѣть на эту картину. И что жъ бы вы думали? помѣшалась! Она незадолго пріѣхала къ намъ и все бывало хабрилась. Вотъ вамъ и храбрость!

— Ну, и это не диво! возразилъ опять старый драгунъ.

Мнѣ почему-то казалось, что онъ сейчасъ же прибавить: закрой свою голову и взгляни въ зеркало, тоже увидишь. Но нѣтъ, онъ только сказалъ:

— Всякій отъ причинъ умираетъ, а тѣмъ головы сняли — вотъ и все.

III.

ПРОХЛАДНАЯ.

Скучно. Больше сутокъ сижу въ Дербентѣ безъ дѣла. На дворѣ вѣтеръ и дождь; на Каспѣ буря. Сажусь за письмо. Не стану говорить, впрочемъ, ни про здѣшнія древности, ни про виноградъ величиною въ вершокъ, а разскажу лучше одно

давно случившееся происшествіе. Какъ вспомню, и теперь ставаются волосы дыбомъ. Это было, когда я ѣхалъ въ первый разъ изъ внутренней Россіи на Кавказъ.

— А за станицей Прохладной ночью не ѣдите: тамъ горы стали набѣги дѣлать, сказалъ мнѣ донской есаулъ, когда мы прощались.

Верстъ за сто отъ Ставрополя, на серединѣ переѣзда отъ Преграднаго къ Безопасному, мнѣ попалась на встрѣчу перекладная. Мой ямщикъ что-то крикнулъ; встрѣчный отвѣтилъ. Вдругъ обѣ повозки останавливаются и ямщики начинаютъ снимать мои чемоданы.

— Что вы, что вы? спросилъ я.

— А вотъ будемъ мѣняться, преспокойно отвѣтилъ одинъ изъ нихъ.—Вѣдь вамъ, баринъ, все равно — прибавилъ онъ, видя мое удивленіе — вѣдь васъ довезутъ, а намъ, чтобы не ѣхать обратно.

— Ну, нечего дѣлать. Слѣзай, Николай, говорю я своему слугѣ.—Смотри, чтобы все было ладно.

Встрѣчная перекладная везла „пустаго“ казака, съ его вѣстоимъ. „Пустымъ“ называютъ здѣсь ямщики тѣхъ, кто ѣдетъ безъ клажи или съ микроскопическимъ чемоданомъ. Къ казакамъ такое прилагательное, разумѣется, примѣнимо всегда.

— Издалека несетъ Богъ? спросилъ есаулъ, садясь возлѣ меня на камень съ боку дороги.

— Да порядочно: если версты считать, такъ двадцать первая сотня пошла.

— Такъ вы изъ далекаго сѣвера, въ Закавказье, на службу, вѣрно въ первый разъ, безъ остановокъ? закидалъ онъ вопросами, раскуривая свою глиняную трубку и добродушно заглядывая мнѣ въ глаза.

Какъ теперь передо мною простая и симпатичная наружность донца. Какъ теперь вижу его загорѣлое, доброе и привѣтливое лицо, его длинные русые усы, мохнатую папаху, его толстое сѣрое, мѣстами протертое, безъ нѣсколькихъ пуговиць пальто, отпоротившійся и измятый лѣвый погонъ, шерстяной красный шарфъ кругомъ шеи и георгіевскую ленту въ петлицѣ. У насъ завязался живой разговоръ. Казакъ поразилъ меня своею развязною, безыскусственною и вмѣстѣ приличною натурою. Отъ него я слышалъ, что около Ставрополя еще лежитъ снѣгъ и ѣздить на саняхъ; что дальше къ горамъ грязь невылазная;

что въ горахъ по шоссе, по военно-грузинской, всегда хорошо, а въ окрестностяхъ Коби вѣчно путь на саяхъ; что донской № 17, Востина полкъ по какимъ-то интригамъ, вмѣсто трехъ, пять лѣтъ не былъ на льготѣ и только-что спущенъ; что на персидской границѣ противъ нашихъ постовъ строятся „ихнія“; и что службу казачью у „нихъ“ исполняютъ сарбазы, и много, много другаго. Мнѣ было жалко расстаться съ донцомъ; мнѣ почему-то назалось, что если бы судьба свела насъ надолго, мы были бы искренно расположены другъ къ другу. А тутъ всего нѣсколько минутъ, и мы разойдемся, по всей вѣроятности, съ тѣмъ, чтобы не сойтись никогда. Зачѣмъ свѣтъ такъ устроены!

О Прохладной сказалъ мнѣ казакъ, когда повозки уже двинулись, и онъ, стоя на своей, обернулся въ послѣдній разъ кивнуть головой.

Дня черезъ два, проѣхавъ чрезъ Ставрополь, часу въ первомъ пополудни, я подѣхалъ къ станицѣ Александровской. Грязь была страшная, и каждый переѣздъ стоилъ большаго труда; кони приходили всѣ въ мылѣ, хотя все время тащились шагомъ. Въ нетерпѣннн, что долго не ведутъ лошадей, я вышелъ изъ комнаты; но пробраться къ почтовому смотрителю или старостѣ черезъ дворъ оказалось невозможно: просторное огороженное мѣсто, служившее почтовымъ дворомъ, было покрыто четверти на три сплошнымъ слоемъ грязи. Пройдетъ лошадь или проѣдетъ экипажъ, и сейчасъ же, какъ на водѣ, все сравняется; а поверхность блестяла какъ зеркало за неровнымъ пузырчатымъ стекломъ. Кое-гдѣ, погрузившись по ступицу, стояли телѣги, разнаго рода брички, старые тарантасы; въ дальнихъ углахъ валялись сани, верхи для кибитокъ, дуги, колеса—хламъ, однимъ словомъ. Даже индееки и гуси, испытавъ невозможность ходить, забрались на плоскую крышу сѣннаго сарая и оттуда пронзительнымъ крикомъ оглашали проходившихъ, которые съ удивленіемъ поднимали голову. Только ящички да казаки не стѣснялись; имъ, казалось, было любо ходить не по жесткому. „Ну что бы—думалъ я—вогъ этимъ ребятами? куда подойти, на дощечки, да здѣсь бы браниться; или забраться бы имъ на телѣги, если уже нужно, чтобы сцена по срединѣ двора происходила. Отчего вотъ этотъ татаринъ, съ отвислыми ушами и съ носомъ, крючкомъ, не пошелъ туда, гдѣ посуше, да тамъ бы и гулять? А то ходить безъ толку взадъ да впередъ какъ-разъ въ самой дужѣ.“

Но всего занимательнѣе были группы станичныхъ казаковъ: въ разноцвѣтныхъ, большею частію свѣтло-желтыхъ черкесахъ, въ высокихъ шапкахъ, почти всѣ съ длинными усами и бородами (объ обуви не могу сказать ничего: ея не было видно), они „прохлаждались“ отъ нечего дѣлать. Передъ станціоннымъ домомъ стояла толпа, въ воротахъ другая, на дворѣ передъ кузницей третья; да и въ прочихъ мѣстахъ, и именно тамъ, гдѣ побольше нехстати, торчали еще двѣ, три группы. Вотъ стоитъ толпа молча на одномъ мѣстѣ, стоитъ долго, и всѣ смотрять въ одну сторону. Куда же смотрять? вѣдь тамъ нѣтъ ничего. А смотрять. Вотъ одинъ повернулся направо, глянулъ вдоль по дорогѣ, и всѣ повернулись, и всѣ смотрять вдоль по дорогѣ, хотя тамъ также нѣтъ ничего. Еще немножко повернулся передній, и всѣ повернулись. Вдругъ сзади пробѣжала собака: тутъ уже всѣ разомъ взглянули назадъ и внимательно провожаютъ ее глазами.

Долго ли простояли казаки, не знаю; но по отбѣдѣ моемъ побѣдоносное Терское войско осталось на мѣстѣ. Только когда изнуренныя лошади силились двинуть съ мѣста повозку, всѣ казаки вмѣстѣ замахали руками и стали кричать голосами самыми страшными; но ни одинъ не помогъ, хотя нѣкоторымъ колеса чуть-чуть не переѣхали ноги.

Впрочемъ, я двинулся далеко не скоро. Очередной ящикъ, должно быть плутъ большой руки, по приближеніи моего экипажа куда-то исчезъ, и никакіе поиски не могли открыть его; я такъ и отправился со слѣдующимъ. Дѣло въ томъ, что намъ приходилось ѣхать на Саблино, куда двадцать-семь верстъ, а вслѣдъ затѣмъ могъ подоспѣть проѣзжіи на станицу Калиновскую, въ другую сторону, куда всего восемнадцать: такъ обождать было выгодно.

Дорогою Николай передалъ мнѣ свой разговоръ съ грузинами, которые также были на станціи. Я видѣлъ ихъ, сидѣвшихъ за завтракомъ, въ чухахъ съ откидными висячими рукавами, и въ шапкахъ, напоминающихъ формою небольшое снадобье для куренья, называемое иногда „монашенкою“. Грузины ѣхали самъ-третей; но, смотря со стороны, можно было подумать, что это одинъ въ трехъ экземплярахъ: такъ они были похожи другъ на друга. Даже, сколько я могъ замѣтить, одинъ, напримѣръ, при входѣ какой-нибудь новой личности, сдѣлаетъ глубокомысленную физиономію, и два остальные послѣ-

дуютъ его примѣру; одинъ для большей важности откинетъ голову на бокъ, и другіе непременно сдѣлаютъ то же. „Они — началъ мой Николай—въ конвой государственный ѣдутъ, съ Тифлиса. Хвалить свой городъ; сказали, важъ хорошо будетъ въ немъ. Сами же про Петербургъ все спрашиваютъ. А въ Тифлисѣ и климать, и весело, и все, говорятъ, хорошо. Только вотъ что—прибавилъ Николай тихимъ и выразительнымъ голосомъ — опасаться надо дорогою, такъ станцій пять, чтобы не напали азіаты. Эти перегоны еще ничего, а тамъ за Прокладною ночью неслѣдъ ѣхать.“

Что за исторія! И донецъ говорилъ про Прокладную, и въ Ставрополѣ я слышалъ, и здѣсь опять то же. Должно быть, недаромъ. Когда казакъ говорилъ, было далеко; въ городъ не то занимало, а теперь дѣло другое: не успѣлъ еще и вѣхать на Кавказъ, въ пустомъ мѣстѣ, въ дорогѣ, когда мы устали— вотъ что говорилъ я самъ себѣ. Слуга же мой былъ занятъ вопросомъ несравненно больше меня. „Жалко, жалко—повторялъ онъ—что у насъ пороху нѣтъ; только и остались два заряда, которые теперь въ пистолетѣ. Хотя пули мы и веземъ, да что въ нихъ безъ пороха!“ И каждый разъ, какъ вспомнить Николай, что пули безъ пороха бесполезны, начинаеть разгивать и разсматривать эту тему съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, растягивая разсужденія на безконечное время.

Но вскорѣ переѣхали Куму, миновали Подкумомъ у Георгиевска, приблизились къ Малкѣ, и новыя мѣста, какъ они видны однообразны, заставили забыть все. Дорогою встрѣтился нежданнымъ-громадный табунъ, вѣроятно кого-нибудь изъ богатыхъ мѣстныхъ заводчиковъ. Гордые кабардинскіе скакуны были одинъ статнѣе другаго, одинъ краше другаго. Попадались стада жирныхъ овецъ, съ грязными до крайности пастухами, вереницы скрипучихъ обозовъ, разнаго рода и званія прохожіе и проѣзжіе, всѣ безъ исключенія съ страждущими лицами. Въ станцияхъ бросались въ глаза дома офицеровъ казачьихъ, съ чистыми большими окнами, тесовыми крышами и акуратными ладками; садниками; церкви съ золотыми крестами; гостиные дворы, разумеется миниатюрные, и всякаго рода живыя картины.

Уже пала ночь, когда я, потерявъ счетъ станціямъ, вошелъ на одной изъ нихъ въ комнату и объявилъ, что остаюсь ночевать.

— Да если бы и хотѣли, дальше нельзя ѣхать, проговорилъ грубо, невидимый въ темнотѣ, басъ.

— Отчего?

— Отчего? Нельзя; сказано нельзя; ночь, оттого и нельзя.

— Такъ что же, что ночь?

— Да известно что ночь: ночь — опасно!

— А какая это станция?

— Это-то, здѣсь-то?

— Ну да, ата, здѣсь.

— Прохладная станция, нешто незнаете?

И мнѣ показалось, будто бась съ проніей усмѣхнулся.

— Да отчего опасно, объясните. Не могутъ же татары изъ горъ сюда попасть?

Голосъ не отвѣчалъ. „Вышелъ“, подумалъ я.

Черезъ минуту входитъ въ комнату, съ тускло горящею салною свѣчею въ рукѣ, личность... Боже мой, что это за личность! Вы, я увѣренъ, еще не видали такой. Горбатый, одна нога короче другой, кривой, рябой донельзя, съ длиннѣйшими, никогда нечесанными волосами, испачканный и оборванный.

— Самоваръ я поставилъ, сейчасъ принесу, проговорилъ онъ, ставя свѣчу, и проговорилъ, къ удивленію, самымъ тоненькимъ горловымъ голоскомъ.

— Ты со мною сейчасъ говоришь? ты упоминалъ, что опасно ѣхать?

— Я говорилъ, я говорилъ — торопливо задепелалъ онъ — я все говорю, говорю безъ конца — и, какъ-то неестественно, судорожно расхохотавшись, побрелъ къ двери.

— Да со мною ты ли говорилъ?

— Я, я; съ вами что ли, не знаю: темно было.

И снова захохоталъ, стукнулъ дверью и вышелъ.

Что за явление! густой, грубый бась вдругъ превратился въ сильный дисавантъ.

— Надо распорядиться, чтобы завтра пораньше приготовили лошадей, сказалъ я своему слугѣ, когда тотъ внесъ въ комнату вещи.

— Да нѣтъ никого, живой души нѣтъ на станціи, кромѣ хромаго; словно всё вымерло. Я ужъ ходилъ и туда, и сюда.

— Нѣтъ, здѣсь, кажется, былъ кто-то; я говорилъ съ нимъ.... Гдѣ смотритель? обратился я къ одноглазому, когда тотъ принесъ самоваръ.

— Ниту смотрителя! На станціи смотритель. Какой вамъ смотритель, когда ѣхать нельзя!

— Да кто же здѣсь есть еще?

— А на что вамъ еще? Развѣ я мало? Я одинъ, чуть однакъ какъ перстъ; проговорилъ онъ опять съ хохотомъ и показалъ свой грязный и поцарапанный указательный палецъ.

— Съ кѣмъ же я говорилъ?

— Не знаю, съ кѣмъ говорили; можетъ сами съ собою говорили, или такъ показалось, и это случается, возразилъ съ ѣдкою, въ высшей степени непривлекательною усмѣшкою единственный обитатель станціоннаго дома.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени я общаюсь домъ внутри и снаружи, отходилъ отъ него въ сторону и не видалъ никого. При слабомъ свѣтѣ луны, которая едва показалась изъ за горизонта, были видны безпредѣльная, гладкая степь передъ станціей, куполь станичной церкви, станичныя зданія. Отсюду вѣяло холодомъ и сыростию.

Хромой, какъ оказалось, въ самомъ дѣлѣ, былъ говорунимъ безъ конца. Чего-чего онъ не успѣлъ разсказать! Начнетъ что-нибудь, только что вдастся въ подробности, сейчасъ же перейдетъ къ другому предмету, и все то съ хохотомъ, то съ плачемъ, съ дикимъ, порывистымъ плачемъ. Я, конечно, не слушалъ.

Но вотъ разсказъ хромаго и криваго становится толковнымъ и внятнѣмъ. Я, лежа на диванѣ, на отратительномъ жесткомъ диванѣ, начинаю прислушиваться. Дѣло идетъ о томъ, какъ разскащикъ, когда-то крестьянинъ, зарѣзалъ помѣщика, своего барина. Онъ говорилъ съ увлеченіемъ, поясняя и дополняя своимъ ва рѣзкими жестами. Сильно нагорѣвшая сальная свѣчка, стоявшая на столѣ, въ отдаленномъ отъ дивана углу, тускло освѣщала правую сторону хромаго. Видно было, что его рѣбкое лицо разгорѣлось; онъ то и дѣло ковылялъ съ одной ноги на другую; растрепанные волосы, при безпрестанномъ движеніи, ложились на лобъ и на щеки темными тѣнями; лѣвый правый глазъ то закроеся, то блеснетъ какимъ-то мрачнымъ блескомъ.

— Я — говорилъ онъ медленно и съ удареніями на нѣкоторые слова — готовъ былъ на все, на все что угодно. Я за ригию-то повалилъ его, да какъ скрутилъ ему руки, да взялъ ножъ — а ножъ острый-преострый: цѣлую ночь точилъ, и точило было отличное — да какъ запушу ему въ самое сердце; да какъ поверну его тамъ — хромою рукою повторилъ жести — онъ такъ и засонетъ, такъ и засонетъ.

И раскащикъ самъ застоналъ съ раздрающимъ душу всхлипываньемъ.

— Ну ладно, ладно, старикъ — повторилъ я въ двадцатый разъ—довольно тебѣ на сегодня, ступай съ Богомъ. Я усталъ съ дороги. Оставь меня. Слышишь, ступай съ Богомъ.

Старикъ выщелъ и взялъ свѣчку съ собою.

— Зачѣмъ же ты свѣчку взялъ? Оставь ее: она здѣсь нужна; потуши только.

— Не надо вамъ свѣчки, возразилъ старикъ.

Несмотря на усталость, я не могъ заснуть: то то, то другое рисовалось въ воображеніи. Что побудило его—думалъ я—на такое преступленіе? Вѣрно, женщина примѣшалась: это всегда такъ... А можетъ быть жестокость помѣщика... Потомъ перешелъ я, не знаю какъ, къ Никитѣ многострадальному, что на острыхъ гвоздяхъ лежалъ: ему, вѣрно, было еще хуже, чѣмъ мнѣ на этомъ диванѣ. Тутъ явился породистый кабардинскій конь, вороной масти: онъ утромъ шелъ впереди табуна и мнѣ особенно приглянулся. Мнѣ казалось, будто онъ подо мною сплываетъ въ безрадѣльной степи; будто, неизвѣстно почему и отсюда, мнѣ приесли серебряный призъ — конская голова Сазикова работы. Дальше ничего не припомню. Вдругъ слышу зовуть меня:

— Не прикажете ли дверь на ключъ запереть? спрашиваетъ мой слуга. — Этотъ старикъ, Богъ его знаетъ, пожалуй, насмотрѣлъ что-нибудь да ночью втихомолку придетъ. Онъ, можетъ, дурачкомъ-то нарочно прикидывается. Вотъ и свѣчку зачѣмъ взялъ?

Но еще Николай мой влялся за ключъ, тотъ же хромой какъ изъ земли выросъ.

— Нельзя заперать, нельзя, не приказано! закричалъ онъ, выхватывая ключъ и скрылся.

Николай попробовалъ задвижку, повыше замка: она была сломана, и какъ будто недавно. Молча и медленно притворилъ слуга мой двери; молча поставилъ маленькій чемоданъ на большой, всталъ своего изголовья; досталъ пистолетъ, положилъ его вондъ меня и не говоря ни слова легъ. Я вскорѣ заснулъ крѣпко.

Но судьбѣ не угодно было дать мнѣ покой.

Я былъ разбуженъ шумомъ и говоромъ. Въ щели старыхъ поломанныхъ ставней виднѣлось, какъ на дворѣ, освѣщенномъ

густою, мелькали фигуры. Я подошелъ къ окну. Небольшая толпа, всё въ черкескахъ и съ ружьями, стояла подь самымъ окномъ. Кто заряжаетъ ружье, кто насыпаетъ порохъ на полку; всё къ чему-то готовится. „Вѣрно, казаки; но къ чему они тутъ собрались и кого хотятъ караулить?“ думалъ я, разслушавъ нѣсколько разъ повторенное „караулить“. Я счелъ нужнымъ вынуть пистолеть изъ чехла и прилесть снова.

Не прошло получаса—раздался пронзительный крикъ. Дверь моей комнаты распахнулась съ шумомъ, и кто-то вышмыгнулъ. На дворѣ раздался выстрѣлъ; потомъ послышались пискъ, визгъ, трескъ, лай, крики людей. Я вскочилъ и выбѣжалъ на дворъ. Бѣготня, суматоха! Нѣсколько человѣкъ перелѣзаютъ черезъ заборъ, опрометью бѣгутъ дальше; за заборомъ раздался еще выстрѣлъ, еще. Здѣсь у сарая плачетъ и кричитъ баба; по двору съ оглушительнымъ крикомъ мечутся куры, поросята. Тревога ужасная! Въ дверяхъ на меня набѣжалъ кто-то.

— Кто ты? строго спросилъ я.

— А вы кто?

— Я проѣзжій: А ты кто?

— Какъ проѣзжій? есть развѣ проѣзжій? возразилъ тотъ, остановившись.

— Да отвѣчай же, кто ты?

— Кто я? Я здѣшній сторожъ станціоннаго дома.

— Убили, убили! кричала фигура, возвращаясь съ ружьемъ черезъ заборъ.

— Кого убили? Кто убилъ? Что случилось? спрашивалъ я.

— Куда вы, куда вы? крикнулъ внезапно явившійся человѣкъ въ сюртукъ, останавливая меня за руку.

— Обѣ убиты! Двѣ только и было, слышалось изъ-за забора.

— Какъ обѣ? женщины, что ли?

— Да вы что думаете? произнесъ человѣкъ въ сюртукъ и расхохотался. — Всѣ, кто были кругомъ, также засмѣялись. — Это собакъ застрѣлили — сказалъ онъ — повадились откуда-то бѣгать къ намъ по ночамъ, курь, поросятъ душили; вотъ и сегодня сколькимъ шей свернули! Мы уже давно ихъ караулили.

И я не могъ удержаться отъ самаго искренняго смѣха.

— Да откуда же столько народа? Вчера здѣсь не было ни души.

— Точно что не было. Вчера празднигъ былъ на станицѣ. Мы всё тамъ были. Сторожъ только долженъ былъ оставаться.

— Да и тотъ хромой, одноглазый...

— Нѣтъ, это не сторожъ; вотъ сторожъ, а тотъ юродивый, Оедотка.— Неужто, кромѣ его, не было никого? Видно, и ты не вытерпѣлъ, отлучился—обратился къ сторожу господинъ въ сюртукѣ, какъ оказалось, почтовый смотритель.—А вы, кажется, и Богъ знаетъ что подумали, прибавилъ онъ.

— Я ничего не подумалъ; но мнѣ говорили дорогою, что здѣсь опасно.

— Не такъ вамъ сказали. Вы, смѣю спросить, въ первый разъ къ намъ заѣхали? Вы какой губерніи?

— Тверской.

— У васъ въ Тверской губерніи бывали разбои?

— Случались.

— Ну, тоже и здѣсь. Здѣсь вѣдь не то, что гдѣ-нибудь на Сунжѣ или на передовой линіи за Лабою, за Вѣлою. Здѣсь народъ на боку лежитъ; все спокойно. Это только въ Россіи рассказываютъ, что на Кавказѣ, куда ни обернешься, вездѣ страхи. Ночью только, особливо одному, ѣхать не слѣдуетъ, коли нѣтъ экстренной надобности. И то три года не было ничего, да вотъ надняхъ два случая приключились: воловъ авіаты отбили у чумаковъ, да пару коней; такъ мы и предупреждаемъ проѣзжихъ: ночью просимъ не ѣхать. Но и то случилось больше по оплошности: видно, заснули чумани.

— Заснули, заснули, такъ и было—проворчалъ сзади меня вчерашній густой бась.

— А вы кто? обратился я къ нему. — Вы были вчера здѣсь на станиціи?

— Я писарь, отвѣтилъ онъ.—Я всю ночь на печи лежалъ, въ той самой комнатѣ, гдѣ и вы спали.

* *